

**ЗАМЕТКИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ
В СОЧИНЕНИЯХ САЛЛЮСТИЯ**

Set dux atque imperator vitae mortalium animus est.
Sall. *Iug.* 1.3

Один из моих коллег, узнав, что я собираюсь работать над статьёй по означенной теме, удивился: а о чём тут говорить? Ведь Саллюстий – писатель-моралист, главное для него – дух, о каком интересе к экономике может идти речь? Не приходится удивляться, что специальные исследования на соответствующую тему в мировой историографии, насколько мне известно, пока отсутствуют.

Но не будем торопиться с выводами. Рассмотрим несколько эпизодов из сочинений Саллюстия, в которых содержится не слишком обильный, но порою очень показательный материал экономического характера.

Для начала обратимся к так называемому африканскому экскурсу из «Югуртинской войны» (17–19). В нём рассказывается о природных условиях северо-западной Африки и о происхождении местных народов – нумидийцев и мавретанцев. Автор отмечает (17.5), что земля там плодородна в отношении злаков, но не для выращивания деревьев, а также пригодна для разведения скота (*ager frugum fertilis, bonus pecori, arbori infecundus*) – внимание к экономическим возможностям тех краёв очевидно. Но ещё более интересен рассказ о местном «этногенезе». Аборигены – гетулы и ливийцы – изображены дикарями, у которых, как и у циклопов в «Одиссее», нет ни земледелия, ни власти закона. Затем в Северную Африку прибывают персы, мидийцы и армяне. Они «переплыли на судах в Африку и заняли края, лежащие у нашего моря; но персы держались ближе к берегу Океана. Они пользовались килевыми днищами перевёрнутых кораблей как шалашами, потому что в тех землях не имелось [подходящего] материала, и купить или обменять его у испанцев возможности не было (*quia neque materia in agris neque ab Hispanis mundi aut mutandi copia erat*). Бескрайние просторы моря и незнание языка препятствовали торговле» (18. 5–6)¹. В конце концов, персы слились с гетулами, а мидяне и армяне, смешавшись с ливийцами, образовали народ мавров. Последние стали возводить города, повели меновую торговлю с Испанией, от ко-

¹ Пер. В.О. Горенштейна с изменениями.

торой их отделял лишь пролив (18.9: *iique mature oppida habuere; nam freto divisi ab Hispania mutare res inter se instituerant*). Персы же начали завоёвывать ближайшие к Карфагену земли, т.е. Нумидию, и овладели в итоге большей частью внутренних районов Африки (*Africae pars inferior pleraque*), тогда как другие африканские земли захватили мавры (18. 11–12).

Роль экономических аспектов в этом пассаже очень значительна. Любопытные наблюдения в данной связи сделал Р. Морстейн-Маркс: ведь если говорить об аборигенах, то гетулы превосходят ливийцев; между тем они жили южнее, тогда как ливийцы – ближе к Африканскому морю (18.9: *Libyes nam ii propius mare Africum agitabant, Gaetuli sub sole magis, haud procul ab ardoribus*). Что же касается пришлых народов, армян, мидийцев и персов, то первые и вторые, как уже говорилось, занялись коммерцией и построили города, а третьи ни тем, ни другим не занимаются и даже переворачивают корабли вверх днищами. При этом именно персы оказываются самыми доблестными из числа пришельцев. Таким образом, не только близость цивилизации, но и занятия торговлей и городской образ жизни оказывают пагубное влияние, а те, кто от них избавлен, обретают превосходство².

В отношении городского образа жизни как отрицательного фактора в глазах Саллюстия можно спорить – ведь и римляне не чужды ему (*Sall. Cat. 6.2*)³. Зато не вызывает сомнений негативная оценка мореплавания и торговли, восходящая к Платону (*Legg. IV.704a – 705b*). И в данном пункте римский писатель отличается от Фукидида, подражателем которого его называл Веллей Патеркул (*II.36.2*), – ведь греческий историк, напротив, считал торговлю и мореплавание важнейшими факторами накопления богатств и усиления могущества (*I.2–19*)⁴.

Считал ли Саллюстий отказ персов – будущих нумидийцев – отказом от норм цивилизованной жизни, что они продемонстрировали превращением кораблей в жилища, когда перевернули их днищами вверх?⁵ Это вполне возможно, поскольку писатель вообще склонен изображать нумидийцев более примитивным народом, чем они были на самом деле, представляя их кочевниками, чем-то вроде геродотовских скифов, он в то же время показывает, как далеко зашла урбанизация в Нумидии⁶. Нумидийцы здоровы, быстры, выносливы, едят для утоления голода, а не ради чревоугодия и т.д. (*Sall. Jug. 17.6; 89.8*). Таков и сам Югурта, в образе которого (6.1) можно усмотреть немало

² *Morstein-Marx R.* The Myth of Numidian Origins in Sallust's African Excursus (*Jugurtha* 17.7–18.12) // *AJPh.* 2001. Vol. 122. No. 2. P. 180–183.

³ *Короленков А.В.* Из новейшей зарубежной литературы о *Bellum Jugurthinum* Саллюстия // *Studia historica.* М., 2006. Вып. VI. С. 286.

⁴ *Morstein-Marx R.* *Op. cit.* P. 184–185.

⁵ *Wiedemann Th.* Sallust's 'Jugurtha': Concord, Discord, and the Digression // *GR.* 1993. 2nd Ser. Vol. 40. P. 52.

⁶ *Schmal S.* Sallust. Hildesheim; Zürich; N. Y., 2001. S. 100.

черт ксенофонтского Кира⁷. Но всё относительно – если бы нумидийцы служили римлянам, то они, по-видимому, были бы в их глазах почти идеальным народом, но стоило им поднять оружие против Рима – и их достоинства превратились в восприятии Саллюстия в недостатки. Отказ от морской торговли следует оценивать соответствующим образом как своего рода *conditio sine qua non*: этот шаг мог сделать нумидийцев наряду с другими поистине великим народом, но поскольку свои доблести они употребили во зло, то и упомянутый отказ утратил положительный смысл (или так и не приобрёл его).

Своеобразное отношение Саллюстия к экономическому фактору демонстрирует и история о разделе Нумидии сенатской комиссией во главе с Луцием Опиимом. Хотя тот был врагом Югурты, последний, по словам Саллюстия, подкупил его, в результате чего ему досталась соседняя с Мавретанией (т.е. западная) часть Нумидии, охарактеризованная как *agro virisque opulentior*. Адгербалу же отошла территория, лучшая лишь на первый взгляд, богатая гаванями и строениями – *specie quam usu potioem, quae portuosior et aedificiis magis* (*Iug.* 16.5).

Писатель, как видим, весьма осторожен (если не двусмыслен) в выражениях – что понимать под *agro*? Со времён Моммзена в этих словах видят указание на плодородность западной Нумидии⁸, хотя указывалось, что сельское хозяйство лучше было развито как раз в тех областях, которые отошли к Адгербалу⁹. Но в любом случае получается, что Саллюстий уделит внимание экономическому фактору. В этом, однако, позволительно усомниться. Словосочетание *agro... opulentior* может пониматься в том смысле, что Югурте досталась просто более обширная, а не плодородная территория, благо Саллюстий был мастером неожиданного словоупотребления¹⁰.

Что же касается Адгербала, то вновь возникает тема морской торговли – ему достались гавани. Неудивительно, что Саллюстий называет земли, отошедшие сыну Миципсы, лучшими лишь по видимости – то, что можно счесть преимуществом, на деле является недостатком¹¹. Вновь припоминается Платон: неразумные афинские политики «набили город гаванями, верфями... и прочим вздором, забыв о воздержности и справедливости» (*Gorg.* 519a¹²). Конечно, о справедливости ну-

⁷ Green C.M.C. De Africa et de eius incolis: The Function of Geography and Ethnography in Sallust's History of the Jugurthine War // AW. 1993. Vol. 24. P. 192–195.

⁸ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. II. С. 106.

⁹ См., напр.: Gsell S. Histoire de l'Afrique du Nord. P., 1928. Т. VII. P. 146.

¹⁰ О нём см.: Schmal S. Op. cit. S. 139 (с указанием литературы).

¹¹ Впоследствии во многом по такой же схеме строил Тацит рассказ о разделе Фракии Августом между Котисом и Рескупоридом – первому достались города и пашни, а второму – менее обжитые края (*incultum, ferox*), причём Котис, подобно Адгербалу, мягок и уступчив, а Рескупорид – жаден и свиреп (*Ann.* II.64.2). Но особенно обращает на себя внимание то, что Котис получил земли, граничившие с греками, *vicina Graecis* – прямая параллель саллюстиеву *portuosior* (*Morstein-Marx R.* Op. cit. P. 184. Not. 20).

¹² Пер. С.П. Маркиша.

мидийцев у Саллюстия речи не идёт, а вот их воздержность он не отрицает – достаточно вспомнить известный пассаж о том, что те из них, кто жил вдали от моря (*procul a mari*), легко переносили нехватку воды, а еда служила им для утоления голода, а не для удовольствия – *cibus illis advorsum famem atque sitim, non libidini neque luxuriae erat* (Sall. *Iug.* 89.7–8). И именно такие люди и оказались под властью Югурты – несомненно, это и подразумевал Саллюстий, характеризуя владения последнего как *viris opulentior*, ведь лёгкая победа над Адгербалом подтверждает подобный ход мысли¹³. «Могущество обеспечивается не материальными ресурсами, а моральными качествами людей», – резюмирует Р. Морстейн-Маркс¹⁴.

И ещё несколько слов о морской торговле. Дело в том, что у Саллюстия есть одно место, которое позволяет предполагать как минимум не отрицательное отношение к этому роду деятельности. В «Заговоре Катилины» (2.7) он пишет: «Успехи людей при занятиях земледелием, мореплаванием, строительством целиком зависят от их добрых качеств» (*quae homines arant, navigant, aedificant, virtuti omnia parent*)¹⁵. Выходит, для мореплавания и подразумеваемой под ним морской торговли (ибо речь явно об экономической деятельности – *arant, aedificant*), требуется *virtus*, а потому это оказывается делом вполне достойным. Но не будем забывать о многозначности понятия *virtus* у Саллюстия – это и сумма всех добродетелей, и храбрость воинов, и «локомотив духа»¹⁶. Думается, что применительно к мореплаванию слово *virtus* употреблено просто в значении храбрости, которая морякам, естественно, нужна. По отношению к земледелию, конечно, подразумеваются иные коннотации.

Но вот что обращает на себя внимание: говоря о своём досуге, Саллюстий – явно в пику Катону Цензория и следующему за ним Цицерону¹⁷ – пишет, что земледелие и охота – обязанности рабов (*agrum colundo aut venando, servilibus officiis* – Cat. 4.1). Как понимать столь презрительное отношение к почётному крестьянскому труду, которого не чуждались и легендарные предки? По мнению Р. Сайма, речь идёт лишь о современном Саллюстию сельском хозяйстве Италии с его латифундиями. Кроме того, ядовитое замечание Саллюстия – ответ на похвалу цицероновского Катона прелестям сельской жизни (*De sen.* 51–60) – «возможно, кто-то из друзей с добрыми или дурными намерениями указал на [трактат] *Cato Maior* и убеждал Саллюстия в том, что ферма или сад – самое подходящее для отставного сенатора на склоне лет, полезное для тела и духа». Однако идеализированный образ лю-

¹³ Büchner K. Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum. Wiesbaden, 1953. S. 13.

¹⁴ Morstein-Marx R. Op. cit. P. 185.

¹⁵ Такой описательный перевод слова *virtus* представляется мне более приемлемым, чем «доблесть», как у В.О. Горенштейна (*Саллюстий Крисп Г.* Сочинения. М., 1981. С. 5) – доблестно пахать землю нельзя.

¹⁶ См.: Schmal S. Op. cit. S. 115.

¹⁷ Cato. *De agr.* Praef. 2–3; Cic. *De off.* I. 151.

бящего копаться в саду Катона вряд ли понравился бывшему наместнику Африки¹⁸. Д. С. Ливин не согласился с этим, считая, что текст Саллюстия слишком неконкретен для таких выводов, и предложил ещё более изощрённое объяснение: «Пусть и присоединяясь к Катону, он, как представляется, отрицает, что, подобно Катону, в состоянии сочетать в себе качества человека действующего и человека пишущего; но Саллюстий также полагает, что одна из сфер деятельности, в которых Катон преуспел сам, в сущности, вообще не имела прямого отношения к добродетели. Иными словами, представляя катонову концепцию добродетели, он, видимо, ставит под вопрос, соответствовал ли Катон собственным стандартам»¹⁹.

Думается, что ближе к истине Сайм – вряд ли Саллюстий сомневался в добродетелях прославленного Катона. Вероятнее, что он спорил с собственными современниками, слишком любившими повторять сентенции Марка Порция, в том числе, конечно, и с Цицероном. Речь шла не столько о каком-то конкретном трактате, сколько о круге идей. При этом оценка земледелия и охоты как занятий рабов не относится к древним временам, когда римляне не предавались ещё интеллектуальным занятиям, о пользе которых (прежде всего историописания) Саллюстий так много рассуждает во введениях к «Заговору Катилины» и «Югуртинской войне».

Обратимся теперь к важнейшему пункту размышлений Саллюстия – осуждению богатства. «Алчность – это страсть к деньгам, чего не пожелал бы ни один мудрый человек (*avaritia pecuniae studium habet, quam nemo sapiens concupivit*)» (Cat. 11.3). С этой точки зрения – как, впрочем и с других – современники Саллюстия заслуживают самого сурового осуждения. «Найдётся ли при нынешних нравах человек, который соперничал бы со своими предками в честности и упорстве, а не в богатстве и расточительстве?» (Iug. 4.7). После падения Карфагена «знать начала по собственному произволу использовать своё высокое положение, народ – своей свободой, каждый начал грабить, хватать (*trahere, rapere*); так обе стороны растащили всё» (41.5)²⁰. «Народ страдал от службы в войске и от бедности; военную добычу расхищали полководцы и их приближённые. В то же время родителей и маленьких детей солдат, если их соседями являлся могущественный человек (*potentior*), выгоняли из жилищ. Так вместе с могуществом распространялась безмерная и ненасытная алчность (*cum potentia avaritia sine modo modestiaque invadere*)» (41.7–9). Иными словами, некогда доблестные потомки Ромула стали реагировать на материальные стимулы, от чего их раньше более или менее удерживал страх перед врагами. Конечно, Саллюстия «интересует не столько *avaritia* как порок, как проявление эгоизма, разрушающего душу,

¹⁸ Syme R. Sallust. Los Angeles; L.; Berkeley, 1964. P. 45–46.

¹⁹ Leven D.S. Sallust's Catiline and Cato Censor // CQ. 2000. Vol. 50. No. 1. P. 174; note 124. Там же см. обзор иных точек зрения.

²⁰ Те же слова звучат и в «Заговоре Катилины» (11.4) при описании эпохи Сулы: «Все начали хватать, тащить» (*rapere omnes, omnes trahere*).

сколько истинная система ценностей *res publica*, которая находится в опасности, когда деньги оказываются в почёте»²¹. Однако эта идея присутствует как бы на втором плане, а повествование переполнено именно фактами, свидетельствующими о господстве *avaritia*. Как тут не вспомнить пассаж Платона о перемене в нравах жителей Атлантиды: они презирали всё, «кроме добродетели, ни во что не ставили богатство почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ... Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, всё их достояние... возрастало. Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить своё богатство и утратили благопристойность» (*Crit.* 120e – 121b²²).

Но вот что особенно интересно: Саллюстий признаёт, что сам в молодости был подвержен *ambitio mala* (*Cat.* 3.3–4.2), однако теперь-то он отошёл от политики (*Cat.* 4.1; *Iug.* 4.3) и тем самым обретает моральное право судить тех, кто продолжает ею заниматься²³. А вот о своей алчности и несправедливо приобретённых богатствах (от которых он не отказался!) писатель молчит.

Собственно, именно алчность (*avaritia*) в основе общественных конфликтов и в «Заговоре Катилины», и в «Югуртинской войне». В первом случае всему виной рост долгов (прежде всего у расточительных юнцов) и разорение ветеранов Суллы, проживших награбленное и надеявшихся теперь путём новой гражданской войны обогатиться (*Cat.* 16.4; 20.13; 33.1 etc.). Во втором Югурта, руководствуясь принципом *Romae omnia venalia esse* (8.1), подкупает сенаторов одного за другим и втоптывает в грязь честь и славу римской державы, которая не заступает за своего друга и союзника Адгербала и позволяет коварному Югурте убить его, да и римские военачальники, посланные против последнего, ведут войну вяло, предпочитая интересам Рима и собственной славе царские деньги²⁴. Взятки берут не только полководцы, но даже центурион примипил – отнюдь не нобиль (*Iug.* 38.6)²⁵.

²¹ *Büchner K.* Sallust. Heidelberg, 1960. S. 58.

²² Пер. С.С. Аверинцева.

²³ См.: *Короленков А.В.* Саллюстий: от политики к истории // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 6. С. 245.

²⁴ В целом такая схема не соответствует действительности – сенат реагировал на агрессию Югурты против Адгербала достаточно жёстко, а осторожность римских полководцев на первом этапе войны объяснялась объективными трудностями (см. новейшую работу на эту тему – хотя и не лишённую некоторых передержек, но в целом убедительную: *Parker V.L.* *Romae omnia venalia esse. Sallust's Development of a Thesis and the Prehistory of the Jugurthine War* // *Historia*. 2004. Bd. 53. Ht. 4. P. 408–423), но в данном случае это значения не имеет – важно восприятие Саллюстия.

²⁵ Любопытно, что подкупленными оказываются и простые воины – лигурийская когорта и две фракийских турмы (38.6), но не собственно римские солдаты.

Как приговор Риму звучит знаменитая фраза Югурты: *urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit* (35.10)²⁶.

Видит ли Саллюстий какой-либо выход из создавшегося положения? Лишь в одном месте можно найти нечто подобное: катилинарий Гай Манлий пишет консуляру Квинту Марцию Рексу о том, что предки не раз помогали своими постановлениями запутавшемуся в долгах плебсу, а недавно (согласно закону Валерия) сократили сумму долга, разрешив выплачивать его не серебром, а медью (*Cat.* 33.2)²⁷. Но это единичный случай, к тому же соответствующее суждение исходит из уст заговорщика, ставящего ультиматум сенату. Судя по всему настрою сочинений Саллюстия, а также с учётом влияния на него философии Платона, выход он видел в нравственном совершенствовании, хотя и не опробовал этот метод на себе.

В то же время никто из главных героев сочинений Саллюстия – как отрицательные, так и положительные – не подвержены этому пороку. Правда, о Катилине говорится (5.5), что он жаден до чужого (*alieni adpetens*), но всё же слово *avaritia* не произносится, да и не она, а стремление к *regnum* руководит его действиями (5.6). То же можно сказать и о Югурте – для него важна власть, а богатство – лишь средство достижения целей. Саллюстий не пишет даже о конфискациях имущества казнённых им по ложным подозрениям (см.: *Iug.* 72.1; 74.1). Не на таких ли людей, свободных от *avaritia*, писатель и возлагает свои надежды? Вспомним знаменитое окончание «Югуртинской войны», подразумевающее Мария – *et ea tempestate spes atque opes civitatis in illo sitae* (114.4). Собственно, именно благодаря Метеллу и Марию, которых не интересовали царские деньги, Рим и побеждает Нумидию. Но слова Саллюстия полны иронии – Марий оправдывает надежды государства и победит германцев, но потом ввергнет государство в гражданскую войну²⁸. Стало быть, *avaritia* менее страшна, чем *ambitio*? Наш автор пишет, что второе ближе к *virtus*, чем первое (*Cat.* 11.1). Однако он, как мы видели, признаёт за собой *ambitio mala*, но никак не *avaritia*. По-видимому, в глазах Саллюстия первое опаснее, второе – постыднее. Следует иметь в виду два обстоятельства: 1) не отрицая за собой в прошлом *ambitio mala*, Саллюстий не рискует подвергнуться обвинению в разжигании смуты, как Марий; 2) он избавился от неё, прекратив политическую деятельность, а вот доказать избавление от *avaritia* ему было бы затруднительно.

Нельзя при этом не отметить, что материал, приводимый писателем, не всегда подтверждает его собственные тезисы в отношении *avaritia*. Выше уже цитировались слова плебейского трибуна Гая Меммия (*Iug.* 41.7) о том, что алчные полководцы и их приближённые

²⁶ На это Луций Флор отзовется следующим образом: поскольку в лице Югурты «Рим уже имел покупателя, но ускользнул от него, стало ясно, что он устоит» (III.1.18. Пер. А.И. Немировского).

²⁷ Судя по Веллею Патеркулу (II.23.2), это снижало сумму долга в четыре раза.

²⁸ *Syme R. Op. cit. P. 176; Büchner K. Sallust. S. 302.*

расхищают добычу (*praedas bellicas imperatores cum paucis diripiebant*). Но в рассказе о Югуртинской войне мы найдём лишь один пример такого рода (32.4) – после отъезда консула Луция Кальпурния Бестии оставленные им военачальники стали собирать добычу с покорённых туземцев (*pars ex pacatis praedas agebant*). Это явно второстепенные лица – *qui in Numidia relictis a Bestia exercitui praeerant*, но говорится, что они следовали примеру главнокомандующего, *secuti morem imperatoris sui plurima et flagitiosissima facinora fecere* (32.2). И тем не менее в отношении самого Бестии и его преемника Альбина ничего подобного не сообщается, так что в рамках *Bellum Jugurthinum* речь может идти лишь о помощниках военачальников, но не о них самих.

Зато куда больше примеров другого рода. Метелл, разоряя Нумидию, сжигает города и крепости, убивает взрослых нумидийцев, остальное отдаёт воинам на разграбление – *alia omnia militum praedam esse* (54.6). Воодушевляя солдат перед штурмом Ваги, он обещает отдать им добычу, *praedam benigne ostentat* (68.3), что и исполняет (69.3). Марий, упражняя новобранцев, идёт в богатые области Нумидии и также отдаёт им эти земли на поток и разграбление – *praeda onustum proficiscitur, omnia ibi capta militibus donat* (87.1). То же происходит при взятии Капсы (91.6).

Между тем, как пишет К. Вретска, «добыча, взятая во вражеской стране, по старинному обычаю и за небольшими исключениями при захвате городов являлась государственным имуществом, а из суммы, полученной при её продаже, производились выплаты офицерам и солдатам после триумфа. Так поступил Катон по возвращении из Испании». Далее он сравнивает рассказ Саллюстия в *Jug.* 87.1 с описанием одного из походов Катона Старшего в Испании и его речью перед воинами у Ливия (XXXIV.15.9; 34.13 sqq.), находя большое сходство между этими пассажами. «Можно предполагать использование [Саллюстия] в качестве источника. Но там есть и одно важное различие: Катон ни слова не говорит о том, что раздел добычи будет производиться до триумфа. Что с ним происходило, показывает поведение Метелла: «там (в Цирте) он собрал добычу, пленных и обозы²⁹» (81.2). Такой порядок ещё Ливий признавал истинным, римским». Марий же ведёт себя иначе, и в итоге рекруты, будучи неимущими, ожидают новых возможностей для грабежа. Саллюстий воздерживается от комментариев, но ведь он уже выше и так говорил об *ambitio* Мария, тогда как Метелл сумел найти золотую середину *inter ambitionem saevitiamque* (45.1)³⁰.

Не во всём можно согласиться с суждениями немецкого учёного. Прежде всего, следует отметить, что добычей распоряжался полководец, и именно он решал, передать её в эрарий, присвоить или поде-

²⁹ *ibi (Cirtae. – A.K.) praedam captivosque et impedimenta locaverat.*

³⁰ *Vretska K. Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955. S. 120–121.*

лить между офицерами и воинами³¹. Что касается Метелла, то сам же Вретска ссылается на эпизоды, когда тот не отказывал воинам в добыче и даже сам обещал её (54.6; 68.3; 69.3)³². Можно, правда, отнести их к «исключениям», касающимся взятия городов, но в 54.6 речь идёт и о сельской местности (*agros vastat*). Если уж говорить о разнице между Метеллом и Марием, то нужно обратить внимание на другое. В 54.1 Метелл заявляет воинам, что они довольно сражались ради победы, теперь им предстоит постараться уже ради добычи (*pro victoria satis iam pugnatum, reliquos labores pro praeda fore*), причём именно после этого мы и встречаем сообщения о том, как Метелл предоставлял возможность воинам обогатиться за счёт грабежа. Марий же даёт такую возможность новобранцам (*novi milites*).

И ещё один момент, связанный с алчностью и добычей как движущими (экономическими!) мотивами действий римских военачальников в ходе *Bellum Jugurthinum*. Марий нападает на вражескую цитадель близ Мулукки, где спрятаны сокровища царя (*ibi regis thesauri erant*) (92.6). Это дало В. Шуру повод утверждать, что саллюстиевым Марием движет алчность³³, а Г.О. Брешиа пишет ещё и о двойном стандарте – в своей знаменитой речи перед народом арпинат обвиняет полководцев, командовавших в Нумидии до него, в *avaritia* (85.46)³⁴. Казалось бы, «улики» довольно серьёзные – ведь то же сделал в своё время и Авл Постумий, осадивший Сутулу, о которой сказано слово в слово, что и о мулуккской крепости – *ubi regis thesauri erant*. Причём о Постумии тут же специально говорится, что он собирался или выиграть войну, или получить от Югурты деньги, *aut conficiundi belli aut terrore exercitus ab rege pecuniae capiundae* (37.3). Однако вряд ли Г. Брешиа справедливо ставит Мария на одну доску с таким малопочтенным персонажем – во-первых, нигде не говорится о страсти к богатству, как мы это видим в отношении Постумия. Во-вторых, Метелл также захватил один из городов, где хранились богатства царя, Талу (75–76), но ни Шур, ни Брешиа не упрекают его за это в алчности, поскольку деньги – одно из важнейших средств войны, и стремление лишить их противника вполне разумно. Тем же, очевидно, руководствуется и Марий – и у Саллюстия, и в действительности. Именно после потери значительной части богатств Югурта попадает в

³¹ Shatzman I. The Roman General's Authority over Booty // *Historia*. 1972. Bd. 21. P. 177–205.

³² Vretska K. Op. cit. S. 121. Anm. 66. Это опровергает тезис Ф. Вернера о том, что Метелл изменяет позицию в отношении добычи после избрания Мария и обещает им раздел добычи: Werner V. Quantum bello optimus, tantum pace pessimus. Studien zum Mariusbild in der antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 1995. S. 41–42 – при этом учёный ведёт речь о 76-й гл. в связи со взятием Талы, тогда как соответствующий мотив присутствует не там, а в 68.3 и 69.3 (взятие Ваги), если уж говорить о времени после избрания Мария. Но, как мы видели, такие случаи имели место и раньше.

³³ Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 135.

³⁴ Brescia G. La 'scalata' del liguro. Saggio di commento a Sallustio, *Bellum Jugurthinum* 92–94. Bari, 1997. P. 23.

крайне тяжёлое положение и вынужден обратиться к Бокху (97.1)³⁵. Да и не пишет автор ни об *avaritia*³⁶, ни о присвоении Марием добычи, а вот о том, как он давал войнам поживиться, упоминает.

Если говорить об алчности как движущей силе войн, то мы обнаруживаем противоречивое отношение к этому обстоятельству у Саллюстия: и Югурта, и Митридат обвиняют римлян в том, что они жаждут завладеть чужим (*Jug.* 81.1: *Romanos iniustos, profunda avaritia; Hist.* IV. 69. 6: *cupido profunda imperi et divitiarum*). Не раз говорилось, что не стоит воспринимать эти пассажи как прямое выражение мыслей самого Саллюстия³⁷. И дело не только в том, правы ли Югурта и Митридат в данном конкретном случае – важно, что римляне вообще войн ради наживы не ведут, причём это касается не только «старых, добрых» времён, но и эпохи Саллюстия: война против Югурты была начата против воли алчных руководителей сената, да и Митридат первым обнажил меч (у Саллюстия на сей счёт ничего не говорится, но этот факт общеизвестен).

Коль скоро зашла речь об «Истории», отметим, что экономический аспект присутствует в ней постоянно: Марк Лепид заявляет, что по милости Суллы народ, лишившись хлебных дотаций, не получает пищи, положенной даже рабам (*inops despectusque ne servilia quidem alimenta relicta habet*), а ветераны Суллы выселены на болота и в леса (*relegati in paludes et silvas*) (I.55.11 и 23); Луций Филипп обвиняет Лепида, что тот получил консульство с помощью грабежей (*ex rapinis*), т.е. благодаря полученным в результате их средств (I.55.4); народ, возмущённый дороговизной зерна, нападает на консулов Гая Котту и Луция Октавия (II.45); Котта в речи перед народом объясняет тяжёлое положение большими расходами на войн – денежными и продовольственными (II.47.6); наконец, всё письмо Помпея посвящено упрекам в адрес сената, не оказывающего своему полководцу, с точки зрения последнего, должной помощи, в том числе и финансовой (II.98). Но обратим внимание на пассаж из речи плебейского трибуна Гая Лициния Макра, в целом, по-видимому, симпатичного Саллюстию и выражающего многие его мысли³⁸. Упрекая народ в бездействии в условиях угнетения его правящей верхушки (*dominatio paucorum* – звучит в высшей степени актуально!), он иронически вопрошает: «Или, быть

³⁵ Vretska K. Op. cit. S. 123–124.

³⁶ Werner V. Op. cit. S. 77. Anm. 288.

³⁷ Равно как Цезаря (*BG.* VII.77.15) и Тацит (Agr. 30.4–5; *Hist.* IV.14). См., напр.: Heldmann K. Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell im *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993. S. 50. Anm. 113.

³⁸ Syme R. Op. cit. P. 200; Schmal S. Op. cit. S. 88–89. Иначе считает К. Бюхнер, оценивающий речь Макра как одностороннюю и проникнутую партийным духом (*Büchner K. Sallust... S. 221*). Думается, впрочем, одно не исключает другого, ибо полностью положительных персонажей у Саллюстия нет.

может, этот неожиданно изданный хлебный закон вознаграждает вас за ваши труды? Но законом этим они оценили нашу общую свободу в пять модиев, что, по правде говоря, не больше тюремного пайка (*qui profecto non amplius possunt alimentis carceris*)» (III.48.19). Но представим себе, что речь шла бы о десяти или даже пятнадцати модиях. Однако странно думать, что в этом случае Макр и вслед за ним Саллюстий сочли бы, что этого достаточная плата за лишение свободы.

Выводы, которые следуют из всего этого, достаточно очевидны – Саллюстий не сбрасывал экономику и экономические стимулы со счетов, но их воздействие виделось ему лишь в отрицательном свете. Однако своей задачей я ставил не столько глубокие обобщения, сколько предварительные наблюдения, каковые и выношу на суд читателя.

A.V. Korolenkow

ZUM ÖKONOMISCHEN FAKTOR IN WERKEN DES SALLUSTS

Die Analyse der Werke von Sallust zeigt, dass der Schriftsteller ignoriert den ökonomischen Faktor nicht, aber als negativ ihn betrachtet (vornehmlich *avaritia*). Er begrüsst ersichtlich ein Verzicht der Perser (sagenhaften Uthranen der Numidier) auf den Seehandlung (unverkennbar Einfluss der platonischen Ideen). Unglück der Römer wäre mit der Sehnsucht nach Geld beeinflusst (ökonomisch Faktor!). Sallust von Sallust nach, *ambitio* ist näher zu *virtus*, als *avaritia*. Deshalb befolgen Sallust's Protagonisten die *avaritia* nicht, obgleich nämlich *avaritia* in Grundlage der gesellschaftlichen Konflikten in *Catilina* und *Bellum Jugurthinum* liegt. Zu *avaritia* neigen die Nebengestalten (die Senatoren nehmen Bestechungsgeld, die Soldaten suchen eine Beutung, der Plebs lasst seine Freiheit für Kornausteilung umtauschen u.s.w.).